

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

От редакции. Лаборатория интегральной антропологии философского факультета ТГУ в рамках общего проекта по организации серии межвузовских и межфакультетских «круглых столов» по проблеме «Право на жизнь и обязанность жить» провели очередной «круглый стол» на тему «Что такое жизнь? (философские, биологические, геологические и историко-культурные контексты)». В организации «круглого стола» приняли участие Биологический институт, Институт искусств и культуры, лаборатория когнитивного менеджмента и междисциплинарных исследований гуманитарного факультета ТПУ. Ниже мы публикуем материалы «круглого стола».

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ? (философские, биологические, геологические и историко-культурные контексты)

«Круглый стол»

Томск, ТГУ, 31 марта 2010 г.

Ведущие «круглого стола»:

Аванесов Сергей Сергеевич, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий лабораторией интегральной антропологии Томского государственного университета;

Петрова Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета, ведущий научный сотрудник лаборатории интегральной антропологии Томского государственного университета.

Участники «круглого стола»:

Барнашова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Брылина Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Буденкова Валерия Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Казаченко Н.Е., студент факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета;

Кулижская Екатерина Геннадьевна, аспирант Института развития образовательных систем г. Томска;

Куликов Сергей Борисович, кандидат философских наук, зав. кафедрой философии и социальных наук Института культуры Томского государственного педагогического университета;

Макиенко Марина Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Михайлова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Москвитин Анатолий Константинович, кандидат биологических наук, зав. биостанцией Биологического института Томского государственного университета;

Постол Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета;

Прутик Алексей Фёдорович, аспирант Электротехнического института Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Савельева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Тихонова Евгения Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

Хитрук Екатерина Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета;

Чернов Д.В., студент факультета прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета.

С.С. Аванесов. Вступительное слово

Уважаемые коллеги!

Разрешите открыть очередной междисциплинарный «круглый стол», посвящённый теме жизни. Первое наше собрание было построено вокруг проблемы права на жизнь. Обсуждение этой проблемы выявило некоторые, иногда весьма существенные, разногласия. Видимо, нам ещё придётся вернуться к дискуссии на эту тему. Однако прежде мы должны, очевидно, поставить вопросы, связанные с пониманием самой жизни, чтобы уяснить, *на что* предъявляет права человек, *что* он хотел бы (или не хотел бы) сохранять. Тема нашего сегодняшнего обсуждения – *жизнь как таковая*. Данная тема предполагает обмен мнениями между учёными, представляющими естественнонаучное знание, и исследователями-гуманитариями. Такой диалог, если он состоится, позволит взглянуть на жизнь в её сути с разных точек зрения, увидеть её в разнообразных ракурсах. Философы могли бы поднять и прояснить вопрос о ценности жизни самой по себе. Анализ религиозного опыта культуры мог бы дать нам знание о жизни во имя или ради чего-то высшего. Человек многомерный (каковым и является человек сегодня) требует к себе полидисциплинарного исследовательского подхода. В общем хотелось бы создать здесь такое дискуссионное «поле», в котором мы могли бы обнаружить (или сконструировать) синтетическое, многогранное понятие человеческой жизни, на основе которого можно было бы выстраивать решение более частных антропологических задач.

В частности, можно ставить вопрос о праве распоряжаться жизнью – как своей, так и чужой. Кто имеет такое право? Чем это право должно быть огра-

ничено? Можно ли пренебречь индивидуальной жизнью ради всеобщей жизни, если последняя утверждается как цель, а первая выступает как средство для достижения этой цели? Как соотносятся понятия цели жизни и смысла жизни? Во всяком случае, очевидно, что *цель* жизни обесценивает её отдельные моменты как вспомогательные или промежуточные «средства», а *смысл* жизни выявляет ценность всякого её момента. К этим проблемам логично перейти, определив человеческую жизнь как таковую.

В чём же состоит специфика жизни в *человеческом* измерении? Представляется, что такую специфичность задаёт *сознание себя в качестве живого*. Этот момент рефлексивности присущ исключительно *человеческой* жизни, составляет её особенность. Есть ли нечто живое (в указанном выше антропологическом смысле) вне человеческого контекста? Если нет (в силу отсутствия сознания в природе), то в чём общность жизни человека и жизни природного мира? Жив ли человек так, как жив зверь или цветок? Иначе говоря, достаточно ли *общего* понятия жизни для антропологии, для характеристики человеческой ситуации? Ведь даже человек, доказывающий, что он – всего лишь животное, *тем самым* демонстрирует своё принципиальное отличие от животного, поскольку животное так не делает никогда. Причислять себя к тому или иному «царству» – это удел человека. Жизнь для человека – не всегда то, что она есть, но иногда то, чего ему хочется.

Жизнь человека – предельно сложный концепт, включающий в себя несколько базовых компонентов. Биологическая *жизнь* в человеке формирует и поддерживает его как организм; человек как биологический индивид (особь) живёт по законам природного мира. Социальная *жизнь* моделирует общественный статус человека, оформляет его индивидуальность. Духовная *жизнь* позволяет человеку реализоваться в качестве личности, трансцендировать наличную бытийную ситуацию. Вся эта сложность (системность) человеческой жизни должна быть учтена сегодня. Чем ближе мы к биологической «витальности» в понимании жизни (и, соответственно, ближе к *общему* в характеристике человеческой жизни), тем менее ценной представляется индивидуальная жизнь (как *частное*, как «материал» для всеобщей жизни). Отсюда необходимость ставить и решать проблему гармонизации всех уровней жизни, проявленных в человеческом существовании.

Можно ли говорить о *причинах* жизни; могут ли они быть «безжизненными»? Может ли культура предстать как отрицание витальности? Можем ли мы найти эстетическое оправдание жизни? Эти и ещё десятки других вопросов возникают при обращении к теме человеческой жизни. Постараемся начать разговор об этих вопросах с общего понятия жизни. И одно пожелание нам всем: важно отдавать себе отчёт в том, к чему ведёт то или иное решение этих вопросов. Есть ли у этих решений *практически-антропологические* следствия? Упустив из виду этот аспект нашей полемики, мы рискуем превратить её в бесплодное сотрясение воздуха.

Г.И. Петрова. Вводные замечания

Формулировка вопроса, обозначенного как тема «круглого стола», заимствована из лекции профессора С. Коржинского, прочитанной им при открытии нашего университета. Лекция так и называлась – «Что такое жизнь». За-

имствование не случайное, ибо организаторы «круглого стола» хотели подчеркнуть продолжение традиций университета, связь его поколений. Хотелось бы сказать, что и спустя 130 лет, несмотря на неклассическое время, в котором мы живём, традиции классического университета и его критериальные основания сохраняются. Имею в виду критерий единства гуманитарного и фундаментального естественнонаучного образования. Об этом единстве говорит уже тема, избранная для первой лекции в университете. Будучи биологом, профессор С. Коржинский, однако, поднимает проблему жизни не только в её витально-природных характеристиках. Столь же активное внимание он уделяет и её социально-гуманитарным аспектам. Показать богатство гуманитарного потенциала биологического знания – такая установка содержания образования для классического университета являлась априорной и исходила из его критериальных оснований. Наш «круглый стол» свидетельствует об актуальности этого критерия классики. И, может быть, именно сегодня подобного рода разговор (о жизни в её многоаспектности, о содержании университетского образования в его гуманитарных характеристиках) становится наиболее актуальным. Продолжая традицию классики, мы намерены обсуждать проблему жизни как с гуманитарной (здесь присутствуют студенты и преподаватели философских факультетов различных вузов), так и с естественнонаучной (это прерогатива присутствующих здесь студентов и преподавателей Института биологии и сотрудников биостанции этого института) точек зрения.

Пользуясь правом ведущей, я выскажу несколько точек зрения, в рамках которых можно было бы обсуждать проблему жизни. Вопрос о жизни – вечный, но в ответах на него каждое поколение и каждое время ставят свои акценты. Хотелось бы понять акценты нашего времени. Всё, о чём я собираюсь говорить, касается философской позиции по поводу проблемы жизни и свидетельствует о «хитрости» и «парадоксальности» философского мышления.

Первая точка зрения касается существующей и достаточно обоснованной позиции относительно того, что жизнь – чисто антропологическая проблема. Если верить этой точке зрения, то только человек имеет жизнь. Не абсурдна ли такая постановка вопроса? Как к этому относится наука – биология? Но, может быть, именно этот «абсурд» заставляет поднимать следующие вопросы. Чем отличается жизнь человека от витальности (тоже – «жизнь») животного? И отличается ли?

Второй круг вопросов соотносит жизнь с проблемой существования. Само существование тоже связано с сознанием: существует только то, что себя осознаёт существующим. Всё же то, что существует, но не знает о собственном существовании, существует лишь с точки зрения человека. М. Мамардашвили в одной из своих работ задаёт тоже, казалось бы, абсурдный, но и интересный, заставляющий думать вопрос. Он спрашивает: «Существовала ли Земля до появления на ней человека?» Вопрос, действительно, может казаться абсурдным – теперь уже с точки зрения геологии. Наукой давно дан утвердительный ответ. Что же имеет в виду философия, когда задаёт эти «глупые» (или хитрые? или абсурдные?) вопросы? Философский вопрос в данном случае относится к самому факту существования. Что значит *существовать*? Кто существует?

Третий круг вопросов касается форм жизни и является чрезвычайно актуальным сегодня. Имею в виду появившиеся возможности технического конструирования жизни. Ибо до сих пор носителем сознания рассматривался биологический (и только биологический) орган – мозг, но сегодня сознание, оказалось, можно сконструировать. Возникает вопрос: что значит жизнь, если иметь в виду появившиеся её новые формы? Действительно ли они являются собой жизнь? Антропид, техноид, гуманоид, киборг, мутант, клон – кто они? Фантазия на тему жизни или её научная реализация? Есть вопросы и из области гуманитарной. Каковы следствия подобного рода дополнений жизненных форм? Какая оценка может быть дана этим новым формам жизни с точки зрения этики?

Итак, я представила возможный круг обсуждения проблемы жизни. Продолжим. Подтвердим, опровергнем, дополним.

Е.В. Барнашова. Концепция жизни в культуре XIX в.

Серьёзная научная разработка понятия «жизнь» начинается в XIX столетии. Именно оттуда тянутся нити наших сегодняшних научных споров и обсуждений данной темы. Интерес к вопросу «Что есть жизнь?» инициирован введением в 1802 г. Ламарком в научный обиход слова «биология» (от греческого «*bios*» – жизнь), объединившего совокупность наук о живой природе и разнообразных экспликаций заглавного понятия в «философии жизни» на рубеже XIX–XX вв.

Слово «жизнь» в культуре XIX в. имело несколько семантических наполнений. Жизнь – это то, что противоположно смерти. Это также земной путь человека, его судьба (жизнь Наполеона, жизнь Байрона). Кроме того, жизнь – это объективная реальность, которая противостоит всевозможным фантазиям. Это значение актуализируется в наступающем материалистическом сознании, утверждающемся «трезвомыслии» буржуазного общества, преодолевающим идеализм. В этом значении словом «жизнь» оперирует реалистическая эстетика, провозглашающая «искусство жизни», или «искусство правды». Жизнь выступает синонимом правды, противопоставленной романтическим иллюзиям; в том же смысле употребляется это слово, например, в романе Г. Мопассана «Жизнь». Наконец, ещё одно значение, ключевое именно для культуры XIX в.: жизнь – это более высокий уровень организации материи по отношению к уровню минеральному. Он обладает своей спецификой, своими особенностями, не сводимыми к механическим законам.

Именно XIX столетию принадлежит заслуга преодоления механистического материализма и открытия органического уровня природы, на котором, собственно, и начинается жизнь. Открытие произвело сильное впечатление и значительно повлияло на культуру эпохи. Оно породило новый взгляд на природу и давало мощный импульс развитию естественных наук. Начались интенсивные исследования законов живой природы: Ж. Сент-Илер изучал единство организма, Ж. Кювье ввел понятие типа животных, Ж.Б. Ламарк заложил основы эволюционной теории, Ч. Дарвин открыл внутренние механизмы эволюции и появления новых видов организмов (изменчивость, наследственность, естественный отбор), Л. Пастер исследовал бактерии, Г. Мендель разрабатывал теорию наследственности, предвосхищая будущую

генетику, и т.д. Постигание необыкновенно сложного, развивающегося мира живой природы увлекало, открытия в этой области оказали влияние на философию (позитивизм) и искусство (натурализм).

Осознав специфику органического уровня существования материи, культура XIX в. вплотную подошла к постижению специфики ещё более сложных уровней – социального и психического. Но не сразу была способна сделать это, мучительно пробиваясь к тайнам человека, непредсказуемого в своих творческих возможностях, и общества, не подвластного законам жёсткого биологического детерминизма, присущего миру животных. С середины века всё больше актуализируются социальные науки, а в конце столетия переживает бурное развитие психология. Путь к познанию более сложных форм жизни был непрост, что порождало неизбежный редукционизм в интерпретации человека и общества, попытках экстраполировать на них законы органического мира. Всё мыслилось в биологических категориях, во всём виделся живой организм. Распространённым синонимом слова «жизнь» было слово «натура» («природа»). О. Конт в предложенной им классификации наук биологию и социологию включал в один – социологический – цикл. Специфика социального уровня по отношению биологическому недостаточно улавливалась. Эта тенденция проступила и у основателя органической школы в социологии – Г. Спенсера, не говоря уже о прямолинейностях социалдарвинизма. Тенденция проступала в разных сферах культуры и продолжалась в начале XX в. В психологии она получила своё кульминационное развитие во фрейдизме. Биологические детерминанты проникали даже в интерпретацию такой одухотворённой, когда-то сакрализованной романтиками, сферы, как художественное творчество. Например, в позитивистской эстетике И. Тэна (включившего понятие «раса» в свою триаду детерминирующих творчество факторов, наряду с понятиями «среда» и «момент»), затем в психологической эстетике Э. Верона, Т. Рибо, в «физиологической эстетике» Г. Алена и т.д. Позитивистские влияния проступили и в искусстве XIX столетия, особенно в натурализме – с его стремлением сблизить задачи художника и учёного-естествоиспытателя, увидеть в обществе живой организм, а в человеке подчеркнуть биологическую природу, наследственность («физиологические очерки» в литературе, описывающие социальные типы по аналогии с типами животных, концепция «экспериментального романа» Э. Золя и его серия «Руго-Маккары»). Логическим продолжением этой тенденции явилась предложенная уже в XX в. культурологическая концепция О. Шпенглера, для которого культура – высшая форма жизни, а значит, подобно любому биологическому организму, проходит стадии рождения, расцвета, старения и смерти.

В XIX – начале XX в. в сознании актуализируется восходящая ещё к Аристотелю модель природы в виде многоуровневой структуры, отражающей восхождение от простейших форм к более сложным – по тем же ступеням восходит и познающая мысль. Становится привычным оперировать понятиями уровня, слоя. Учение Вернадского о ноосфере (опять-таки некоем слое) – тоже восхождение к высшим уровням жизни. Мы сегодня находимся в той же культурной парадигме, и все наши разговоры о жизни – это блуждание по разным уровням некоего многослойного пирога и выяснение, в чём специфика (начинка) каждого из них. В основном, это стремление понять отличия

друг от друга трёх уровней – минерального, органического и человеческого (включая его разные подуровни – психический, социальный, культурный).

К перспективам развития проблемы, которую мы сегодня обсуждаем, можно отнести поиски ответа на вопрос: какие ещё формы и уровни жизни могут находиться над теми, что нам уже известны? Или там, в недостижимой высоте, слои заканчиваются и начинаются «божественные свечи»?

А.К. Москвитин. Живое и неживое: границы определения

Если обратиться ко времени, когда того, что мы называем «живым», не существовало, придётся согласиться с тем, что такая действительность не нуждается в понятии «информация».

Это обусловлено тем, что формулы, являющиеся математическим выражением физических законов, оперируют различными характеристиками материальных тел и окружающей их среды, но ни в одну из них не входит параметр, называемый информацией.

Описанная картина радикально меняется при возникновении того, что мы называем «живым». Любой живой организм представляет некоторую систему, т.е. совокупность множества элементов и связей между ними, образующую определённую целостность, единство, выполняющее вполне определённые функции. При этом свойства системы, как целого, не сводятся к простой сумме свойств составляющих её частей.

Живой организм подвержен воздействию тех же внешних факторов, что и любое материальное тело, но он реагирует как непосредственно на внешние воздействия, подобно физическому телу, так и на сигналы, выработанные внутри него в ответ на эти внешние воздействия. Это означает, что живой организм воспринимает и определённым образом интерпретирует воздействие внешних факторов не только по критерию подчинения действию физических законов, но и по критерию значимости такого воздействия для этого живого организма.

Рецепторы любого живого организма, воспринимающие внешние воздействия, преобразуют их в форму, пригодную для её интерпретации. Это значит, что сигнал, выработанный рецептором, может стать *значимым*, т.е. этот сигнал может быть не просто интерпретирован, но *адекватно* интерпретирован системой, которая являет собой живой организм. И здесь речь идёт уже об информационной составляющей выработанного рецептором сигнала.

Информационная или значимая составляющая сигнала «возникает» как результат выполнения некоего условия того, что данный сигнал должен быть интерпретирован вполне определённым образом. Например, в ответ на внешнее воздействие живой организм может либо приблизиться к источнику внешнего воздействия, либо удалиться от него. Контроль за выполнением условия адекватного интерпретирования – адекватной реакции на внешнее воздействие – у всех форм живого производит естественный отбор. В результате живой организм, неадекватно реагирующий на внешние воздействия, лишён шансов на выживание.

Кроме способности реагировать на изменение параметров окружающей среды, живой организм реагирует и на изменения собственного состояния – на изменение своего гомеостаза. Такие изменения побуждают его, в частно-

сти, к поиску пищи. Принципиальная схема реагирования на изменение гомеостаза остается той же, что и в случае реакции на внешние воздействия, за тем исключением, что источник воздействия лежит внутри живой системы. Если же принять во внимание тот факт, что от чувства голода убежать невозможно, то необходимо признать, что живые организмы способны отличать информацию, вырабатываемую в результате внешних воздействий, от информации, вырабатываемой в результате изменения гомеостаза. Такая способность является ничем иным, как способностью обособлять себя от внешней среды со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В итоге для рассматриваемой ситуации понятие «информация» может быть определено как значение сигнала, выработанного системой в ответ на воспринятое этой системой воздействие, причём наличие такого значения определяется тем, что система при выполнении ею своих функций интерпретирует (отрабатывает) этот сигнал вполне определённым образом.

И.В. Брылина. Новое и Вечное в человеке

Общеизвестное определение жизни как способа существования биополимерных систем в современном многообразии новых дефиниций перестаёт быть доминирующим, тем более в применении к жизни высокоорганизованных существ, включая человека. Последние научные достижения свидетельствуют о том, что человека нельзя определить, если видеть его сквозь призму только биологической формы бытия (ибо, как говорит Ж.-П. Сартр, человек «ни мох, ни плесень, ни цветная капуста») или если даже абсолютизировать его социальную жизнь (адаптивное поведение). Вместе с тем и животное является собой не только «мох» или «цветную капусту». Оно, как показывают, например, наблюдения над шимпанзе, способно «осознанно» использовать и даже создавать орудия труда. То есть животному, как и человеку, свойственно сознание, и утверждение Ф. Энгельса относительно того, что «труд создал человека» (ибо труд появился только как осознанная деятельность), следовательно, проблематично относить только к человеку.

Так *кто же такой человек?* – этот вопрос ставила вся философия от Сократа до Канта и всех мыслителей последующих поколений. Сегодня этот же вопрос ставится о современном человеке. Он погружён в повседневность, ценностно ориентирован на мир мнений, низкий, доклический мир повседневности, не озабочен метафизическими проблемами относительно поисков своих пределов – животные ли они, социальные ли или антропологические, биологические? Он утратил необходимость сравнений с классическими идеалами. Но не лучше ли его, современного, сравнить с самим собой и увидеть его в потоке исторического процесса?

Очевидно, что в историческом развитии человек претерпевает изменения, и, как современный, он значительно отличается от человека прошлых традиционных обществ. Каждая эпоха несёт своё, новое содержание, хотя и сохраняет в человеке его вечное начало.

Современный человек, как свидетельствует статистика, выбирает в качестве главных жизненных ценностей Internet, компьютерные игры, сотовый телефон и лишь в последнюю очередь – любовь и реальное человеческое общение. Это свидетельствует о том, что подлинные ценности, т.е. те, что не

зависят от времени и являются вечными, уходят и уступают место ценностям конечного, второстепенного плана. Как говорил Н.А. Бердяев, новый человек хочет закрыть в себе бесконечность и укрыться в конечном. Человек нынешней эпохи, живя в материальном мире, в обществе потребления, склонен принимать средства жизни за её цели. Цель жизни при этом скрывается, а в ней, видимо, и заключено то главное, *что* есть человек – его внутренняя духовность, стремление к реализации вечного человека, несущего в себе образ и подобие Божие. Достоинство человека в том, чтобы он не стал рабом быстротечного времени и не подменил временным свою вечную человеческую сущность.

Человек в первую очередь – духовное существо, наделённое свободой и творчеством (последнее качественно отличается от труда как необходимости для обеспечения жизнедеятельности). Как отличаются необходимость и свобода, так средства жизни отличаются от цели жизни. Как цели жизни не должны быть подчинены средствам жизни, так и свобода не может быть подчинена необходимости. Однако современному человеку с развитыми информационно-коммуникативными средствами развлечений и досуга становится всё труднее «за деревьями увидеть лес», за временным разглядеть вечное.

Думать над этими проблемами помогают философско-антропологические учения прошлых эпох, помогает философская классика (может быть, в первую очередь – русская философия). Классика всегда актуальна, хотя сегодня и вызывает полемику со стороны постмодернистских философских настроений.

Н.Е. Казаченко, Д.В. Чернов. Трансгуманизм: проблемы сознания и жизни

На современные определения понятия «жизнь» не могут не влиять новейшие достижения в области антропологических и гуманистических учений. В самом деле, если уже в XX в. стало понятно, что жизнь не есть лишь производное «белковых тел» и что столь же важно увидеть эту проблему с точки зрения решения проблемы сознания, носителем которого является головной мозг, то в XXI в. и эта позиция требует уточнения. С появлением учения трансгуманизма оказалось, что носителем сознания не обязательно должен быть биологический орган.

Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признаёт возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Одной из основополагающих технологий, дающей развитие трансгуманизма, является «загрузка сознания».

«Загрузка сознания» – гипотетическая технология, позволяющая перенести сознание человека из головного мозга на другой носитель. В рамках данной гипотезы возникает множество трудноразрешимых философских проблем.

Одной из самых трудных проблем, связанных с возможной загрузкой сознания, является проблема идентичности. Её можно проиллюстрировать с

помощью следующего эксперимента. Испытуемого вводят в состояние сна или наркоза. Допустим, удалось считать структуру, взаимосвязи и текущее состояние всех нейронов испытуемого. Эти данные были загружены в быстродействующий компьютер, который может точно моделировать дальнейшее поведение системы нейронов, т.е. мозга испытуемого. Компьютер может быть подключен к человекоподобному телу, имеющему все органы чувств, аналогичные человеческим. После включения компьютера, предположительно, он будет проявлять то же поведение, те же эмоции, будет иметь те же знания, воспоминания и планы на будущее, что и испытуемый, а также может иметь дополнительные желательные качества, например, не быть подверженным болезням и старости, не испытывать чрезмерную боль и т.д. Таким образом, сам испытуемый уже становится ненужным. Можем ли мы теперь прекратить его существование? Не будет ли он возражать против этого? Устроит ли его существование в виде копии? Помимо проблемы идентичности, возникает ещё ряд вопросов. Можно ли считать созданное существо человеком? Что произойдёт с человеческим Я испытуемого при такой загрузке? Является ли перенесённое сознание сознанием оригинала или же это просто копия сознания другого Я? Будет ли перенесённое сознание понимать свою искусственность? И вообще, будет ли оно сознанием?

Но главный вопрос, если иметь в виду контекст нашего «круглого стола», можно сформулировать в следующей форме: «Если сознание как характеристика жизни не обязательно имеет биологический носитель, то связана ли жизнь только с органической природой? И отличается ли жизнь животного, запрограммированного инстинктуальной программой, от искусственной жизни, которую также можно создать по программе («загрузкой сознания»)?

О.В. Михайлова. Жизнь человека и его телесная организация

Хотела бы обратить внимание на мысль, высказанную на «круглом столе» и показавшуюся мне интересной и достойной того, чтобы её акцентировать. Речь идёт о том, что поскольку человека отличает от всего прочего в мире его рефлексивное сознание (т.е. даже не интеллект), благодаря которому он «не только есть и знает о себе, что он есть», то только он и знает (имеет) жизнь. Вспоминаю М. Шелера, который подчёркивал, что человек представляет собой нечто совершенно иное, чем сумма таких признаков, как прямохождение, преобразование позвоночника, уравнивание черепа, мощное развитие человеческого мозга и преобразование органов как следствие прямохождения. Думаю, М. Шелер заметил очень важную и специфическую характеристику человека. Вместе с тем не могу не сказать, что эти слова произносятся философом в начале XX в., когда не сказала ещё своего веского слова философия телесности.

Современное философское понятие «человек» не отбрасывает всю телесную организацию человека, считая, что жизнь в своей первооснове связана с биологическим носителем – телом в его биологических характеристиках. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на тех философов современности, которые на себе испытали первичность телесной организации жизни. Я имею в виду французского философа Ж.-Л. Нанси.

Поэтому, говоря о жизни – о жизни и природного существа, и человека тоже – не стоит акцентировать внимание на её специфике, если речь идёт о человеческой жизни. Гордыня человека, выразившаяся в его отдалённости от природы, уже сказалась в различного рода природных катастрофах и экологическом кризисе.

В.Е. Буденкова. Что же такое жизнь: «науки о природе» и «науки о культуре» в поисках определения

Дать исчерпывающее определение жизни, учитывающее различные аспекты и формы её проявления, крайне сложно, практически невозможно. Сегодняшняя дискуссия подтверждает это. Но из этого вовсе не следует, что надо отказаться от самой попытки обсуждать жизнь в междисциплинарном контексте.

Однако чтобы сделать разговор более «предметным» и попытаться выявить «точки пересечения» естественнонаучного, философского, гуманитарного понимания жизни, необходимо договориться о целях, задать определённые парадигмальные ориентиры и методологические принципы, обуславливающие общность интересов участников дискуссии. Я позволю себе остановиться на двух, как мне представляется, важных моментах.

Во-первых, следует различать жизнь с точки зрения «теоретического» и «практического» разума. Стремясь раскрыть сущность жизни, понять жизнь «как таковую», теоретический разум (наука, философия) представляет некую абстракцию, первоначальную витальность, по отношению к которой мы всегда оказываемся «вне». В экспликации жизни «вообще», безусловно, преуспели «науки о природе». При этом философские и конкретно-научные определения жизни ничего не говорят нам о жизни конкретного человека, а в более широком смысле – о любом индивидуальном её проявлении. Пытаясь определить жизнь конкретного человека, мы с удивлением обнаруживаем, что она абсолютно не сводима к биологическому или иному субстрату. Жизнь человека а priori наполнена социальным, культурным, нравственным содержанием.

С другой стороны, понимание жизни, в котором «незримо присутствует» человек, характерно для гуманитарного знания. Различие между гуманитарным дискурсом и «практическим разумом» заключается в самом понимании человека. В первом случае человек предстает как «родовое существо», во втором – как индивидуальное.

Таким образом, в осмыслении феномена жизни выстраивается триада: естествознание и философия – жизнь в онтологическом «измерении», как первоначальная витальность, постоянный поток; гуманитарные науки – жизнь как характеристика человека и основание культуры; «практический разум» – человеческая жизнь во всём многообразии её конкретных проявлений.

Второй аспект проблемы, на который стоит обратить внимание, – это соотношение жизни и культуры. В культуре много такого, что противостоит жизни, уничтожает её и т.д. (война, терроризм). Культура производит множество форм и способов уничтожения жизни, борьбы с жизнью как первоначальной витальностью, как непрерывным потоком. Религиозные войны или современная технизация и технологизация тому примеры. Сам термин «тех-

ногенная культура» несёт эту «угрозу» жизни. С другой стороны, культура (не только постмодернистская) «научилась» имитировать жизнь, подменять её псевдо- или квазиживыми формами. Я имею в виду человеческую жизнь.

Хорошо это или плохо? Однозначно ответить невозможно. Во всяком случае это, в определённой степени, неизбежно и необходимо (иначе этот поток сметёт нас самих). Но осознание конфликта жизни и культуры требует, с одной стороны, анализа форм этого конфликта и поисков путей его разрешения, с другой – открывает новые возможности интеграции «наук о природе» и «наук о культуре».

Г.И. Петрова. Жизнь как антропологическая проблема

Хочу аргументировать тезис, которым обозначено моё выступление. Настаивать на нём означает признать, что жизнь имеет только человек. «Хитрость» философского разума состоит в том, что связывая жизнь лишь с антропологическим аспектом, он (философский разум) выражает чисто философскую, т.е. рефлексивную, позицию и видит проблему жизни только в горизонте сознания. Конкретно вопрос ставится следующим образом: если, кроме человека, в природе никто и ничто не обладает самосознанием, то только человек и знает, что он живёт. Специфика человека в том, что он не только есть, но и знает о себе, что он есть. Так же, как и о своей жизни, он знает и о жизни в форме витальности, т.е. о жизни животного, которое, живя, не знает о том, что оно живёт. В этом смысле оно не имеет жизни. Жизнь имеет тот, кто вышел из природной «сплошности», различает себя, имеет дистанцию по отношению к Другому (природе, Богу, к себе как Другому, другому человеку, любому предмету – всё равно). Зная о собственном существовании, человек обретает жизнь. Всё прочее в природе влито, впечатано в неё, «манкуртировано» ею на основе инстинктуальной программы. (Помните, в «Бурном полустанке» Ч. Айтматов говорит о манкуртах – людях, специальной техникой созданных так, чтобы их сознание не работало. Они ничего не помнили, не понимали и лишь подчинялись в своих действиях приказам хозяина). Не зная себя, это «всё прочее» не знает, а следовательно, и не имеет жизни.

Такие же рассуждения касаются и проблемы смерти: зная о жизни, человек и только он знает (имеет представление) и о собственной конечности. Животное, не зная о себе и не имея жизни, не имеет и смерти. Жизнь, таким образом, с данной точки зрения, есть там, где есть сознание. Думаю, что именно так рассуждал немецкий философ жизни Г. Зиммель, когда говорил о жизни человека как о «больше-чем-жизни», т.е. большем, чем «вита». М. Шелер же (основоположник философской антропологии), отвечая тем, кто считал, что на уровне человека жизнь (в форме «вита») «зашла в тупик», разделит понятия витальности и жизни. В самом деле, витальность в человеке, конечно, присутствует. Но она ли даёт ему то, что считается жизнью? Над витальностью человека надстраивается и приобретает доминантное значение «дух», говорит М. Шелер; в этом смысле витальность, действительно, «заходит в тупик». Но тут же она находит и «великолепный выход», становясь жизнью. Выход состоит в осознании этого тупика, что и позволяет произойти трансформации: витальность превращается в жизнь и создаёт для себя дру-

гую – внеприродную сферу – культуру. Итак, жизнь – антропологическая проблема, и её определение необходимо связывать с определением человека, которое указывает на сознание, вернее, на самосознание. Существовать – значит знать о себе, осознавать сам факт существования. В этом смысле вопрос М. Мамардашвили о том, существовала ли Земля до появления на ней человека, становится понятным. До появления на планете Земля человека никто и ничто не осознавало факта существования. Существует ли тот, кто не знает о своём существовании? Всё, что до человека на земле существовало, есть существование лишь с его (человека) точки зрения, является *ego* конструкцией. Мир даётся человеку через его сознание, которое его «пропускает», фильтрует, конструирует. Мир, в том числе Земля, природа, становится человеческим. О том, как он «сам-по-себе» (без человека) существует, мы ничего сказать не можем. Так существовала ли Земля до появления на ней человека? «Да» ответит наука – биология, геология, физика и пр. Ответит уверенно и доказательно точно, с научными аргументами в руках. Удел же философии – не давать категорических ответов, не настаивать на единственно возможной истине, но спрашивать, размышлять о тех путях, с помощью которых эта истина находится и от которых зависят её конфигурации. Пути, методы и способы познания истины входят в её содержание. Она становится человеческой конструкцией. И вновь: существовала ли Земля до появления на ней человека? Существовала ли жизнь до человека? Может ли жизнь быть характеристикой внеантропологического мира?

Е.Г. Кулижская. **Комментарий к определению жизни как «результата эволюции полимерных соединений углеродов»**

Обратившись к энциклопедиям, можно найти множество определений жизни – естественнонаучных, философских, религиозных. Каждое из них ставит свои акценты – кибернетические, энтропийно-эволюционные, термодинамические, химико-волновые и т.п. Есть ли и может ли быть одно – ясное, внятное, удобное для всех наук и всех форм знания – определение жизни? Можно ли в памяти удерживать одновременно множество свойств феномена живого и неживого, важных для ситуаций, когда возникает необходимость отличить живое от неживого.

Из философских определений, приведённых в Википедии, лично мне показалось наиболее интересным следующее. Жизнь – это идеальная форма существования материи, способная выборочно (либо по своему желанию) воздействовать на материю и подстраивать для себя причинно-следственные связи (адаптироваться). Известная нам земная форма жизни возникла как результат эволюции полимерных соединений углеродов и представлена разнообразными организмами, каждый из которых представляет собой индивидуальную целостную систему, обладающую сложной структурой, обменом веществ и определённым порядком взаимосвязанных биохимических реакций. Это определение содержит указание на свойства, которыми должны обладать живой организм или жизнь: способность преодолевать нарастание энтропии, аккумулируя и используя внешние источники энергии и информации; способность к частичному сохранению при частичном изменении наследственной информации; приспособленность к существованию в условиях конкрет-

ной окружающей среды; приспособляемость всех частей организма (молекул, клеток и органов) к выполняемым в жизненном процессе функциям.

Первые два свойства можно экстраполировать на жизнь духовную и социальную. Человек, познавая, размышляя, производя, создавая социальные структуры, пытается сделать окружающий мир более упорядоченным, предсказуемым, приспособленным для жизни. Человек противостоит хаосу и энтропии. И наоборот, индивиды, которые своей деятельностью дестабилизируют общественные или материальные компоненты жизни и уничтожают ресурсы, вносят вклад в нарастание хаоса. Поэтому интуитивно, даже на уровне здравого смысла, мы оцениваем значимость человеческой жизни и деятельности по тому, насколько эффективно данный индивид вносит лепту в гармонизацию, улучшение качества жизни своей и окружающих. От этого зависит его степень противостояния хаосу и энтропии. Ценность жизни в рамках данной концепции обусловлена, во-первых, её способностью противостоять нарастанию энтропии и, во-вторых, преемственностью информации, заложенной в свойствах наследственности-изменчивости, что делает жизнь потенциально вечной и обеспечивает возможность прогресса.

С.Б. Куликов. Перспективы философского анализа модификаций человека

Корпус современных наук – это сложное противоречивое явление. На современном этапе затруднено разделение отраслей науки на сугубо естественные и гуманитарные ветви. Обнаруживаются области пограничного, «рискованного» познания. В частности, модификацию человека не вмещают проблемные поля только биологии или медицины, равно как анализ социальных последствий генетических изменений не ограничивается проблематикой истории, социологии и этики. Общие закономерности развития человека, модификация его сознания и перспективы такого процесса – предметы также педагогического, психологического и философского исследований.

Каковы возможные модификации философских определений человека в перспективе новейших научных достижений, например в перспективе клонирования?

В современных условиях специалисты уже умеют клонировать многоклеточные организмы и некоторых высших животных. Однако клонирование человека, тем более массовое, – это ещё относительно далекое будущее, ибо не являет собой однозначно решаемую биотехнологическую задачу. До завершения, как минимум, одной серии успешных экспериментов сложно представить возможность на этом пути реального изменения человека как биологического вида.

В то же время мир, в котором принципиально возможно появление существа, во многом отличающегося от нас, уже не та же самая понятная и упорядоченная в плане отношений человека и природы действительность XIX (и даже по большей части XX) в. Следует иметь в виду и возможность манипуляций, совместимую с порождаемой этим процессом «мутацией» общественного сознания.

Таким образом, перспективы философского анализа модификации человека раскрываются, во-первых, при постановке под вопрос сугубо естествен-

нонаучных изысканий и основ технологичности самой модификации; во-вторых, они охватывают своеобразный «мутагенез» общественного сознания. Поэтому оппозиция биологическое/социальное подразумевает выход в область относительно самостоятельного направления «прикладных» философских исследований. Предмет этих исследований – видоизменяемый человек и многообразие эффектов, порождаемых в отношении общественного бытия в целом и оснований научного знания в частности.

А. Прутик. Ценностные аспекты жизни

Вопрос, заявленный в теме «круглого стола», не может быть решён, если не пытаться увидеть жизнь в плане её ценностей. Ответы по этому поводу могут быть разные, они требуют комплексного осмысления, и именно потому их решение является прерогативой философии. Как мне кажется, мы совершаем ошибку, упуская их постановку и, следовательно, не пытаемся их решать. Думаю, что, поскольку сама проблема ценностей относится лишь к человеку, то, характеризуя жизнь, она являет собой область философской антропологии. Не ставить вопрос о ценности жизни означает неразличение (что в одном из выступлений мы уже и слышали) жизни животного и человека. Идеальная организация муравейника, приспособляемость растений под условия окружающей среды принципиальным образом отличаются от сознательных действий человека. Всё, что «делает» животное, на самом деле запрограммировано природой. Животное, не имея рефлексивного сознания, осуществляет свои действия «под диктовку» природы. Измените чуть условия, например, срежьте дно ячеек идеально изготовленных пчелиных сот, и пчела не обратит на это внимания, будет продолжать заливать ячейку медом. Таких примеров можно привести множество. Собака, которая лишилась в раннем возрасте двух лап, будет дальше жить и не осознавать своего отличия от других. Мать телёнка, которого перед её глазами терзают и рвут на части хищники, будет инстинктивно пытаться спасти детеныша, а если не получится, просто уйдёт. Покажите мне инвалида, который бы не хотел излечиться, или родителей, которые не отдали бы свою жизнь за жизнь их детей.

Жизнь – это прерогатива человека, потому что в отличие от других живых существ он осознаёт её и себя в ней. Думаю, что она имеет ценность в том случае, если ценна для самого человека или любого из его близких, друзей, знакомых.

Жизнь – не только течение биологических, химических, наследственных процессов. Удивительно, что наш «круглый стол», говоря о жизни, не затронул вопросы нравственности. Не уподобляемся ли мы животным, когда упускаем из рассмотрения душу человека? Что есть мудрость и конечная её цель? Это – добродетельность, сопереживание ближнему. Истинно мудр тот, кто понимает и сочувствует, душа которого открыта душе того, кто перед ним. Только так, живя полноценной личной жизнью, чувствуя, сопереживая внешний мир, отдавая ему себя, можно считать себя человеком-в-жизни, существующим не зря, имеющим жизненные ценности. Может быть, в этом случае жизнь и становится «больше-чем-жизнь».

М.А. Макиенко. Наука и философия о живом и о жизни

Вопрос «Что такое жизнь?», на мой взгляд, включает в себя ряд составляющих: отличие живого и неживого; характеристика различных видов живого; является ли человек специфическим видом живого? право на жизнь – этическая или абсолютная характеристика?

Раскрывая указанные выше аспекты предложенной для обсуждения проблемы, хотелось бы начать с ответа на вопрос «*что* есть живое?» Обобщая данные наук о живых организмах, можно сделать вывод о критериях живого. Жизнь – это открытая система, способная к обмену информацией и энергией. Живое обладает способностью приспосабливаться к изменяющимся внешним /внутренним условиям. Ещё одной характеристикой живого является способность к размножению или приращению.

Следующая группа указанных проблем предполагает ответ на вопрос «*как* жить?» Хотелось бы сразу сказать, что предложенный подход к определению живого позволяет уравнивать всё живое, признав право на жизнь абсолютной характеристикой. Любое живое существо, безотносительно того, какое место оно занимает в биосфере, обладает неотчуждаемым правом на жизнь. Доказательством этого могут выступить различные науки о живых организмах, каждая из которых исходит из факта жизни изучаемого ею объекта – будь то вирусология, геология, биология, медицина, антропология и т.д. И тогда характеристика различных видов живого – это область этих наук. Объектом же философского изучения становится специфика человеческого существования, эстетическая и этическая составляющие человеческой жизни.

Человек, обладая всеми указанными выше характеристиками жизни, является также существом творческим. Кажется, что именно способность не только приспособиться, но и приспособить, не только воспроизводить данность, но и преобразовывать в соответствии с желаниями, выделяет человека из живого мира. В акте творчества происходит осмысление мира и одновременно его преобразование. Творчество позволяет воспринимать мир целиком и сразу, его прекрасное и безобразное, добродетельное и злое; но в то же время в процессе творчества человек выделяет только часть мира и преобразовывает её. Можно провести параллель между гармоничным и красивым миром, в котором присутствует жизнь, и человеком, способным осознать и создать гармоничное и красивое в мире. На мой взгляд, именно подобное понимание жизни в целом и жизни человека в частности, позволяет ответить на вопрос «*как* жить?».

В.И. Постол. По ту сторону порядка

В перечне вопросов для обсуждения на «круглом столе» предложена дилемма Шелера: «Человек всегда может быть чем-то большим или меньшим, чем животное, но животным – никогда». Что касается человека мифа, то ему уже отдали должное: «Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо!» (М. Горький). Я же предлагаю заглянуть в мир, который существует по ту сторону порядка, – в *царство зверя* (Д. Мережковский), где правит бал человек *естественный* – тип животного, но сложно организованного (М. Шелер). Вот лишь некоторые характеристики данного типа: «Когда мужик, тот мужик, у которого такой кроткий вид, спускается с цепи, он становится диким

зверем» (из дневника М. Палеолога); «раб в бунте опасней зверей, // На нож он меняет оковы...» (К. Аксаков). Тогда уж, действительно: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» (А. Пушкин).

Следует сказать, что мир «хаоса» существует по иным законам, нежели привычный для нас мир: там варварство распространяется «по законам эпидемий» (Г. Малькольм). Подобно пандемии, периодически возвращается *внутренняя степь*, когда в каждом из нас *пробуждается Батый* (С. Соловьев). У власти тогда остаётся один выход: очередной раз *ужаснуть народ* (М. Салтыков-Щедрин), насилием подавить бунтующего человека. Но произвол не способен преодолеть рабство, он годится лишь на то, чтобы создать его новые формы: «из рабства рождается произвол, а из произвола снова рабство» (В. Кантор). В силу закона *социальной регенерации* (А. Зиновьев), если старый порядок рушится, но остаётся прежним человеческий материал, то вновь возникающий порядок неизбежно будет воспроизводить черты прежнего.

Очевидно, что инварианты природы человека не изменить. Человек естественный живёт страстями, но есть страсти *опасные*, а есть страсти *невинные*, или интересы (Ф. Бенетон). Либеральные общества смогли обуздать страсти опасные, пойдя по пути утверждения института частной собственности. В свою очередь, частная собственность стала могучим оплотом против государственной власти. В отличие от Запада, российской власти пришлось действовать в ином историческом контексте: «Наш путь – стрелой татарской древней воли» (А. Блок). Но этот путь ведёт в дурную бесконечность вечного возвращения внутренней степи. И пока государство не перенаправит опасные страсти в мирное русло, оно вынуждено будет осуществлять *провокационно-охранительный* тип насилия (В. Кантор), с завидной регулярностью порождая своего могильщика – *человека бунтующего*. Итак: «Европа шла культурой огня, / А мы несем в себе культуру взрыва» (М. Волошин). Носитель взрыва – *государство-Левиафан*. Отсюда вывод: чтобы победить в человеке зверя, необходимо, прежде всего, обуздать *Левиафана*.

Е.П. Тихонова. Жизнь как сфера взаимодействия материи и духа

Исследование таинственного и многогранного феномена жизни требует первоначального осмысления одной из фундаментальных проблем – определения границ живого и неживого. Вариативность решения данного вопроса обусловлена следующими установками. Во-первых, онтологической многозначностью проявлений исследуемого феномена; во-вторых, взаимодействием различных смысловых основ и содержательных объёмов понятия «жизнь». В планетарно-космологическом контексте жизнь рассматривается как проявление власти и энергии активной витальной силы, латентно присутствующей в неживом и живом мирах. В культурно-антропологическом контексте жизнь изучается как форма существования антропогенного пространства и среда совершения духовных усилий человека.

Специфика формата исследования и различие используемых методологий выявляют базовые основы исследуемого феномена «жизнь». Естественнонаучный подход обозначает биохимический контекст решения вопроса. Жизнь трактуется как материальный феномен, фиксирующий различные уровни существования мира от неорганики к органическому миру, от развития протеи-

нов до метаболической способности жизни. В данном формате жизнь воспринимается как эволюция природы. Эта позиция заслуживает уважения, ведь ещё мудрецы Древнего Востока (Индия и Китай) говорили о том, что весь Универсум (включая Землю) наделён особой жизненной силой. Целостность Универсума основана потенцией жизненной энергии, которая содержит в себе бесконечные возможности её проявления.

Действительно, мир не может развиваться без органически устроенной материи, но она, выступая незаменимым условием существования, не является самой жизнью. Живая материя есть необходимое условие существования сознания, но не само сознание как онтологическая данность. Подобные парадоксы позволяют сделать предположение о том, что жизнь является сферой взаимодействия материи и духа.

Основой жизни выступает воспроизводство и энергообмен, но жизнь в истинной форме проявляется там, где материя и дух становятся одной сутью или существом. Следовательно, изучение феномена жизни требует подключения иного методологического – культурфилософского – подхода, в рамках которого фундаментальные свойства жизни (жизнь как онтологический феномен) соотнесены с антропологической реальностью. В данном ключе личность человека рассматривается как особое состояние жизни и «крупная мысль природы» (М.К. Мамардашвили). Природа как материальная основа жизни и её органический субстрат становится живой в той мере, в которой воссоздаётся в данном (не завершённом до конца) мире человек. В этом случае жизнь проявляет себя в усилении бытия и творить заново.

Культурфилософским символом жизни выступает возрождение человека – его усилие «родиться второй раз» в конкретном историческом времени и пространстве, осуществляя на собственном опыте акты со-знания или акты первовместимости (М.К. Мамардашвили). Именно они фиксируют «превосхождение» человеком заданных схем имитации жизни и выражают подлинные акты «живого» сознания – веру, любовь и память как условия включения человека в непрерывное поле значений и смыслов. В данном контексте жизнь можно охарактеризовать как очеловеченное пространство, пронизанное точками коммуникации и реализованных состояний встречи «сродственного» – понимания.

Е.Б. Хитрук. «Жизнь» как предмет нашего желания

Рассуждая над таким основополагающим феноменом, как жизнь, большинство людей не подвергают сомнению то, что жизнь на самом деле имеет место. Реальность жизни предстаёт как некий само собой разумеющийся факт. Однако более пристальное исследование этого вопроса, помещающее «жизнь» в перспективу философской рефлексии, обнаруживает всю наивность такого рода установки. Можно ли назвать жизнью то, что предстаёт нашему наблюдению?

Во-первых, всё, что принято называть живым, находится в непрерывной борьбе за существование, поедая и уничтожая друг друга. Столкновение «воль» разного рода живых организмов, от примитивных до высокоразвитых, приводит к победе одной воли за счёт ограничения, подавления и разрушения другой. И сам победивший неминуемо будет подавлен в новой схватке за су-

ществование. Как отмечал отечественный философ Е.Н. Трубецкой, «все оживают для взаимного истребления, все спорят из-за лучшего места под солнцем, все хотят жить, а потому все поддерживают дурную бесконечность смерти и убийства» (Смысл жизни. Гл. 1). Действительно, всё, что предстаёт нашему наблюдению, не есть собственно жизнь, но смертельная схватка, вдохновляемая желанием обрести жизнь, схватка, которая неминуемо заканчивается поражением.

Во-вторых, даже вне соотнесения существ друг с другом каждая отдельная судьба несёт в себе деструктивное зерно умирания. Особенно остро это проявляется, конечно, в судьбе человеческой, которая представляет собой пронизанное болезнями и неудачами медленное приближение к полному разрушению организма. Но человек проходит этот мучительный путь умирания, вдохновляемый жаждой жизни, ведомый надеждой на осуществление полноты и правды жизни, тем более печален итог его стремлений. «Заслуживает ли названия жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, эта однообразная смена умирающих поколений? Это не жизнь, а пустая видимость жизни» (Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. Гл. 1).

Все существа в природе истребляют друг друга в борьбе за сохранение жизни, каждый человек движется к смерти, окрылённый желанием жить...

Как же в таком случае можно определить жизнь? Жизнь – это предмет наших желаний, это то, чего вожделеет и к чему изо всех сил стремится всё существующее.

Е.Н. Савельева. **Человеческое / нечеловеческое: кинематографическая версия проблемы границ**

Поскольку проблема жизни, как свидетельствует наше обсуждение, связывается не только с антропологией, то, думаю, легитимным будет её интерпретация на фоне кинематографической версии границ между человеческим и нечеловеческим. Остановлюсь на том, каким образом находит выражение проблема границ «человеческого / нечеловеческого» в массовой культуре.

За ответом можно обратиться к кинематографу, ибо именно в его пространстве получают своё воплощение «новые смыслы коллективного бытия» (В. Беньямин). Художественно-образная структура кинопроизведения формируется из набора культурно обусловленных стереотипов, архетипических шаблонных образов и клише. Это та грань кинематографа, которая обуславливает его принадлежность к масскультуре и его высочайший коммуникативный успех. На этом же основании мы собираемся обнаружить фантазии и страхи массового сознания, озадаченного проблемой границ человеческого / нечеловеческого. Более плодотворным оказывается поиск в пространстве фантастического жанра, так как, несмотря на крайне низкий культурный статус, предметом данного жанра является «несуществующее», зона радикально иного, не человеческого и т.п.

Тематическую подпитку фантастическое кино получает отчасти в литературе эпохи романтизма, но в большей степени – в сюжетах, сформированных успехами научно-технического прогресса, освоения космоса, развития биоинженерии. В контексте открывающихся возможностей обретения физического и когнитивного совершенства (благодаря замещению / наращиванию

органов и развитию интеллектуальных способностей) появляются прогнозы в отношении антропологической судьбы человека. Одновременно встаёт задача определения границ человеческого (природного-естественного-живого) и нечеловеческого (искусственного-неживого), иницирующая, в свою очередь, проблему идентичности человека. В классической парадигме мышления за чёткость подобных границ ответственность несёт Учреждающий разум, Божественные силы и т.п. Иначе говоря, имел место некий «контроль власти» (Ж. Бодрийяр), поддерживающий раздельность миров, добра и зла, означающего и означаемого. Однако в условиях всеобщей симуляции, когда оппозиционные элементы теряют свой принцип реальности, символизируются и превращаются в воображаемое, – в этих условиях ликвидируется код раздельности элементов.

Каким образом подозрения в устранении границ человеческого и нечеловеческого предьявляются киноискусством? В ряду устойчивых мотивов фантастического дискурса можно выявить несколько вариантов.

Во-первых, тему конструирования нового человека, истоки которой обнаруживаются в литературе (от истории Франкенштейна до «Возможности острова» Мишеля Уэльбека). Исходной точкой отсчета в этом случае является естественная телесность человека, которая дополняется или замещается до состояния совершенства физиологического / интеллектуального. Несовершенное же (а именно эмоциональность, привязанность, гуманизм или неспособность управиться с новым даром) драматургически обосновывается как истинно человеческое.

Во-вторых, предьявляется тема вторжения в основание человеческого Иного, Чужого, что придаёт человеку новые сверх-качества. Границы человеческого / нечеловеческого выявляются не только по катастрофической отмене антропологической сущности субъекта, но и по этическому параметру – в антигуманных поступках, мотивация которых основана на неких чуждых этических представлениях.

В качестве третьего варианта можно рассматривать тему конструирования искусственного человека средствами науки. Причём набор параметров тождества подобного «нечеловека» (робота, репликанта, андроида) и человека существенно меняется от раннего кино к современному кинематографу. Так, начиная с эпохи «Метрополиса» Ф. Ланга (1926), границы нечеловеческого достаточно чётко маркируются благодаря сомнительной внешней имитации и педалированию физического и рационального превосходства робота. Несколько позже герои-андроиды С. Спилберга («Тысячелетний человек», «Искусственный разум»), демонстрирующие расширение тождественных признаков человеческого за счет не только полного телесного сходства, но и благодаря эмоциональным способностям, уже проблематизируют процедуру различения. Однако со всей очевидностью проблема границ человеческого / нечеловеческого возникает в произведениях, где представлен искусственный объект с телом человека, способный к состраданию и любви, обладающий памятью и ясным самосознанием. В этом случае подвергается сомнению весь ряд идентичностей, закреплённых традиционно за сугубо человеческой природой. Ключевым кинопроизведением, осваивающим подобную ситуацию, является фильм Р. Скотта «Бегущий по лезвию» (1982), в котором неясность

границ человеческого и нечеловеческого нейтрализует идентификационный энтузиазм и героя, и зрителя.

Таким образом, кинематограф демонстрирует с одной стороны, эволюцию представлений массового сознания о природе человеческого, с другой стороны, критическую позицию в отношении чёткости границ искусственного и естественного.

Г.И. Петрова. Заключительное слово

В заключение я хотела бы обратить внимание на некую амбивалентность в понимании жизни: жизнь как витальность (жизнь растений, животных – всех живых существ, кроме человека) и жизнь в её самоосознании (жизнь человека). Приведу цитату из работы Макса Шелера «Положение человека в космосе»: «Новый принцип, делающий человека человеком, лежит вне всего того, что в самом широком смысле, с внутренне психической или внешне витальной стороны мы можем назвать жизнью. То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще» (*Шелер М. Положение человека в Космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 154*). Или: Человек – это «презрение биологического, природного, телесного» и переход к иному как его «духовная обречённость».

Мы обсудили оба плана, поскольку «мы» – это наша аудитория, где основными посетителями явились студенты и преподаватели Биологического института, философского факультета и Института искусств и культуры. В большей или меньшей степени, но оба плана явились интересными для всех.

Основное отличие указанных планов понимания жизни – в наличии или отсутствии рефлексивного начала у носителей жизни. Если оно есть, то жизнь осознаётся, и человек оказывается «зрителем собственного спектакля» – жизни. Он *приобретает жизнь* в отличие от животного, которое *живёт*.

Такая специфика накладывает свой отпечаток, и человек оказывается обязанным *относиться* к жизни: иметь ценности, ответственность, диалогичность. Он не может жить без экзистенциалов: радости и печали, иронии и серьёзности, тревоги и безмятежности, заботы, любви, дружбы и т.д. Человек обречён на восприятие красок жизни и на ответственность за это восприятие.

Благодарим всех принявших участие в обсуждении.

Материалы подготовили *Г.И. Петрова, С.С. Аванесов*